

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аванесова Г. А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА В БИТВАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье представлено наше понимание культурно-исторического боевого типа, а также сжатый итог сравнительного анализа боевого поведения русских и немцев в битвах Великой Отечественной войны — под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге. Данные сражения выбраны для анализа не случайно, ибо они становились ключевыми факторами развития не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны. Стоит отметить, что из целостного полиэтнического контингента Красной армии наше внимание сосредотачивается на культурно-психологических стереотипах русских военнослужащих, которые, по разным оценкам составляли от 60 до 85% участников указанных выше сражений, что обусловлено проблематикой данного материала. В науке особенности сознания русских и немцев не раз становились объектом сравнительного анализа. Однако довольно редко сравнивались боевые качества русского и немецкого военнослужащего в войнах последнего столетия. Ныне методологические основания военной компаративистики активно развиваются, опираясь на теории и методологию психологических и исторических дисциплин, этнологического, филологического, культурологического анализа. В изучении этих проблем открываются новые возможности обращения к методам культурной и социальной антропологии, религиоведения, военной социологии, философии войны.

Ключевые слова: международные отношения, политика, россия, Германия, поведение, культурно-исторический тип, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, ценности, конфликт.

Понимание культурно-психологического типа как познавательной модели и как этнического феномена в русской и немецкой культуре

Теоретическая разработка культурно-психологического поведения комбатантов базируется на требованиях типологического подхода с его спецификой первоначального расчленения феноменологической целостности объекта изучения, отбором наиболее устойчивых его частей, характеристик, внутренних связей и теоретическим моделированием их консолидированного единства. Культурно-психологический тип аккумулирует характерные и устойчивые черты, как рядового, сержантского, офицерского состава, так и представителей высшего командования в той мере, в какой они проявляют типологические черты народной боевой активности, а не специфику деятельности конкретного слоя вооруженных сил.

Вместе с тем мы не склонны сводить культурно-психологический боевой тип к неподвижной совокупности этнических свойств, реализация которых в условиях любого сражения происходит автоматически. Важно учитывать исторические формы репрезентации боевых качеств, которые остаются вариантными, хотя и не выходят за рамки некоторой типологически очерченной совокупности. Многоликость типологических боевых свойств обусловлена также тем, что их система формируется из разнородных характерологических особенностей этноса. Так, среди них могут быть, во-первых, врожденные свойства народа (антропологические, психические и др.); во-вторых, переходные между врожденными и культурно обусловленными качествами, приобретающие устойчивый характер, но способные к медленным трансформациям на протяжении столетий; в-третьих, весьма подвижные, переходящие качества этноса, свойственные среднесрочной и оперативной шкале времени (на протяжении 30–100 лет).

Русские и немцы, будучи представителями одной расы, исповедуя длительный период разновидности христианской религии, имея ярко выраженные психические предпосылки к ратному труду, во многих других аспектах культурно-характерологических качеств остаются народами, весьма отличающимися друг от друга. Ныне исследователи утверждают, что психологическая, ментальная и культурная история протогерманцев и протославян гораздо древнее и сложнее, чем это недавно представлялось. Результаты ДНК-генеалогических исследований, которые приближены к анализу генетической памяти племен, свидетельствуют, что предки будущих восточных славян и германцев 22–14 тыс. лет назад разошлись по родовым признакам¹. Тем самым протогерманцы отделились от протославян задолго до того, как последние поселятся на Русской равнине, (приблизительно 4900 лет тому назад). Важно учитывать, что в промежутке 6000–4000 лет тому назад имело место разделение индоевропейских языков (в т.ч. появление народов, с будущей германской и славянской группами языков)², что влияло на развитие ментально-познавательных качеств народов, выступая одновременно устойчивым механизмом поддержания этнической целостности.

Помимо отмеченных выше древних корней военно-этнического типа, немалую значимость приобретают также более близкие по времени, а потому более вариативные факторы культурного развития русских и немцев — такие, как формы государственности; научное развитие; искусство; образование; особенности семейно-брачных отношений и т.п., которые так или иначе взаимодействуют с боевым типом этноса. Немаловажным фактором динамики русской культуры явилось и то, что она в ходе последнего тысячелетия формировалась как основа самостоятельной российской цивилизации, интегрировав вокруг себя множество народов северной части Евразии; немецкая же культура оказалась включенной в цивилизацию Западной Европы с ее базовыми характеристиками и другим составом этносов.

Битва под Москвой. В первые месяцы войны 1941 г. по обе стороны фронта царили достаточно абстрактные представления о противнике, о характере войны, которые формировались еще в мирных условиях, во многом под воздействием политико-пропагандистских факторов. Идеи о том, какие цели

Германия ставит перед собой на восточном фронте, с каким воинским типом немецкий солдат столкнется на советской территории, ему внушало ведомство Геббельса, а также различные военизированные структуры³. Солдат Третьего рейха шел на Восток с уверенностью, что он защищает достижения западной культуры от «недочеловеков славянской расы», от еврейских комиссаров, которые эксплуатировали эту покорную массу. Немаловажное значение приобретала уверенность, что война позволит расширить немцам жизненное пространство, использовать материально-людские ресурсы СССР.

Немецкая армия, до этого стремительно подчинившая целый ряд западно-европейских государств, рассчитывала на быструю победу и на восточном направлении. Этой уверенности способствовали военные традиции немцев, а также особенности формирования вермахта в 1933–41 гг. Накануне нападения на СССР немецкий солдат был специально обученным бойцом, дисциплинированным, с высокой степенью боевых устремлений и националистически окрашенного патриотизма. Первичные структуры вермахта строились на основах групповой взаимопомощи. В их распоряжении были современные виды стрелкового оружия, боевая техника, а также функционально продуманное качественное снаряжение, которое было подогнано под единый стандарт и могло использоваться в разных комбинациях⁴.

Вплоть до боев под Москвой, как высшее командование, так и продвигающиеся по советской территории немецкие части не сомневались в собственной силе, техническом превосходстве, верности своих расчетов. После ряда особенно удачных наступательных операций армию охватывала эйфория от успехов. На подступах к Москве завышенные самооценки оборачиваются растерянностью, а затем психологическим шоком из-за целого ряда факторов. Так, представители среднего и высшего командного состава вермахта убеждались, что крах блицкрига неизбежно оборачивается переходом стратегической инициативы к противнику, который воспользовался слабо согласованными действиями группировки «Центр». Под Москвой перед частями вермахта нарастали проблемы, некоторые из которых стали для

¹ См. об этом: Клесов А. А. Происхождение славян. М.: 2013; Пересвет А. Русские не славяне? М.: 2009 и др.

² См.: Гамкрелидзе Т. В. и Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. 1984, т. I, II.

³ Здесь укажем наиболее выразительные брошюры, изданные в 1941–1942 гг. в Берлине для широких кругов гражданского населения и для солдат Рейха: В. Диверге «Deutsche Soldaten sehen Sowjet-Union» (Советский Союз глазами германских солдат. Письма с Востока); «Der Untermensch».

⁴ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. пер. с нем. М.: 2002 и др.

них сюрпризом; но были и такие, которые немецкие стратеги должны были предвидеть. К первым отнесем знакомство врага с новой техникой (например, с установками реактивного миномета), которая производила на немцев ошеломляющий эффект по степени деморализации и потерям. Другой класс проблем олицетворяли погодные условия. Например, немцам было крайне трудно обращаться с техникой при бездорожье и морозах; они страдали от низких температур, ибо запланированный блицкриг не предусматривал теплой формы одежды.

Поистине фатальными для немцев стали упрощенные представления о боевых качествах русских солдат, поведение которых зачастую не укладывалось в рациональное мышление представителей западных культур. Если на первых фазах войны советские солдаты проявляли панику, коллективный спад боевого настроения, то под Москвой завоеватели видят их упорство и стойкость — у немецких комбатантов это порождает психологический шок. Г. Гудериан в воспоминаниях откровенно пишет, оценивая столкновение своего корпуса с советской танковой бригадой: «Тяжелые бои оказали свое воздействие на наших офицеров и солдат. И это не физическое, а душевное потрясение, которого нельзя было не заметить. И то, что наши лучшие офицеры в результате последних боев были так сильно подавлены, было поразительно»¹.

Неадекватные представления немцев о русской душе и психологии оказались столь далеки от действительности, что многие тактические приемы ведения войны не срабатывали. Приведем пример из немецкой пропаганды: в листовках, которые осенью сбрасывались с воздуха вокруг столицы с целью деморализации противника, самоуверенно заявлялось о ближайших шагах после вступления немецкой армии в Москву: прием Гитлером парада своей армии на Красной площади, установка гранитного памятника в честь победы и т.п. Но листовки не устрашали защитников столицы; в большей степени они пробуждали у них волю к сопротивлению.

На первой фазе войны не менее серьезные издержки были также свойственны сознанию и поведению советских военачальников и солдат. Об этом свидетельствует стремительное отступление частей Красной армии, примеры массового их окружения и сдача солдат в плен. В мирное время советская

пропаганда создавала упрощенные представления о будущих сражениях, о том, что Красная армия быстро перейдет на территорию врага, где пролетариат окажет поддержку. Но бойцы столкнулись с армией противника, которая социально и мировоззренчески была консолидированной.

Вероломство, стремительность и жестокость, проявленные армией вермахта при ее продвижении по советской территории, заставили руководство СССР отказаться от наиболее абстрактных штампов марксизма; например, марксизм не предусматривал у пролетариата патриотизма, верности народным боевым традициям. Уже первые публичные выступления советских политиков радикально меняют содержательные акценты в понимании характера войны, ее опорных смыслов. Война провозглашается отечественной; ее цели и задачи определяются как справедливые, ведущие к победе. Конечно, обновление советской пропаганды не реабилитировало все базовые стереотипы русской военной культуры; однако политическая работа в армии была приближена к боевым задачам, выступая мощным фактором духовной организации. В конце лета и осенью 1941 г. появились приказы высшего командования о принятии чрезвычайных мер в армии. Лозунг командования: «ни шагу назад, впереди Москва», а также жесткие меры по упрочению дисциплины получили поддержку среди солдат, офицеров, которые понимали, что отвага бесполезна, если в армии нет твердого порядка. Позже советское политическое руководство организует парад на Красной площади столицы, в котором участвуют части, уходящие на передовую. Этот факт и армия, и население расценили как залог грядущей победы. Все это создавало условия для проявления традиционных качеств русского боевого типа.

Дух боевого типа пробуждался у солдат и офицеров также спонтанно в ходе боевых столкновений с врагом. Русских бойцов поражала та бесчувственная жестокость, которую враг проявлял к гражданскому населению, в чем они могли убедиться, освобождая после битвы под Москвой населенные пункты. Немалое значение имели и героические примеры защиты столицы, которые превращались в символы русской стойкости. Речь идет о подвиге героев-панфиловцев, о действиях партизан, среди которых подвиг Зои Космодемьянской стал образцом небывалого героизма юной девушки, только что окончившей среднюю школу.

Следует учитывать, что контингент Красной Армии по многим параметрам отличался от имперской армии. Среди советских военнослужащих значительно было больше горожан, людей, имевших среднее образо-

¹ Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М.: 2010.

вание, высокий уровень технической грамотности; другую часть военнослужащих составляли русские солдаты с традиционным воспитанием из малых городов, деревень с их упорством, самоорганизацией, умением переносить физические нагрузки. Главное же отличие советских солдат сводилось к новой картине мира, к политической и гражданской их мотивации. Ценностные ориентации армейской массы позволяли говорить о качественном синтезе сознания: позиции модерна сплетались у солдат с традиционным мышлением. Все это говорит о том, что пружина русского культурно-психологического типа начинала высвобождаться, как под воздействием энергичных мер командования, так и под влиянием приобретения опыта борьбы с сильным и безжалостным врагом.

Сталинградская битва. К периоду Сталинградской битвы воюющими сторонами был накоплен опыт противостояния, что формировало условия для появления новых форм боевой активности немецких и русских солдат. Так, в Сталинграде немецким и советским войскам пришлось осваивать методы боя в плотной застройке городской среды, которая из-за бомбежек была превращена в беспорядочные нагромождения разрушенных зданий и бездействующей техники. Наряду с этим на первых этапах противостояния в Сталинграде, как среди немцев, так и среди советских бойцов продолжали сохраняться по отношению друг к другу некоторые стереотипы. Например, немецкие части подходили к городу с чувством возрожденного превосходства, с ожиданием победы после «первого мощного удара». В то же время в рядах защитников оставались солдаты, которых подавляла военно-техническая сила противника; учащались случаи сдачи в плен, что вынудило политическое руководство СССР принять еще более суровые меры, нежели осенью 1941 г. И это вновь было встречено в армии позитивно. Позже, когда битва в Сталинграде достигала апогея, эти меры исчерпывали себя — русский боевой тип уже активно проявлял заложенные в нем возможности.

В разрушенном городе русские навязали противнику новый опыт сражений, который был ему малоизвестен. Сами немцы назвали эту тактику «крысиной войной», когда защитники отстаивают буквально каждый метр городской площади, пригодный для сопротивления. В этой ситуации немцы начинают понимать иллюзорность попыток взять Сталинград «одним ударом». Здесь во многом теряется преимущество крупной техники, тактической подвижности, стратегического маневрирования армейскими частями.

В такой ситуации немецкое продвижение спорится. Противники настолько сближаются и взаи-

мозависимы друг с другом, что их порой разделяет несколько метров и борьба продолжается врукопашную. Немцы вынуждены идти на физический контакт, ибо в острых ситуациях русский солдат яростно наступают на них с ножом, саперной лопаткой, гранатой или безоружный. Но и в такой ситуации немцы видят в противнике, в любом русском человеке варваров, усредненные фигуры; они не могут понять внутренних мотивов их мужества и упорства. Например, немецкие солдаты были поражены, увидев, что из цехов СТЗ против них вышли сражаться рабочие, не успевшие снять спецовок. В их представлении это является не мужеством, а нарушением нормы — каждый обязан заниматься своим делом. Немцев начинают раздражать бытовые мелочи: они с брезгливостью вынуждены носить грязную форму, у них вызывает гнев невозможность принимать пищу в привычные часы, нехватка папирос; их серьезно беспокоят насекомые на теле и частое отсутствие воды для личной гигиены. Примечательно, что уже осенью многие из них перестают систематически умываться, бриться.

В подобных обстоятельствах немецкий тип начинают проявлять усталость от перегрузок. Как оказалось, представители этого типа плохо адаптируются к ситуации, в которой нет места немецкому порядку, когда противник навязывает свои «правила игры», а помощь военной техники снижена. Нарастание хаоса, запредельные физические нагрузки, растущая опасность встречи со смертью — все это становится для немецких солдат фактором поражения. Подобная ситуация, которая длится не день и не месяц, начинает психологически подавлять немецких солдат.

Даже продвигаясь ценой напряженных усилий к берегу Волги, немецкая армия не находит сил вырвать у противника победу. Это заставляет солдат вермахта подсознательно смириться с превосходством психологических возможностей русских. Окружение вынуждает немцев пережить еще более непривычное состояние: чувство заброшенности, моральную сломленность, страх перед возможным пленом у одних и стремление выжить любой ценой у других. С зимней непогодой немцы испытали лишения от морозов и метелей еще большие, нежели под Москвой. В этой обстановке обесценивались идеи о своем культурном превосходстве; исчезала вера в профессионализм командиров; мысль о расширении немецкого жизненного пространства казалась абсурдной.

Любопытна в этом случае трансформация религиозных запросов немцев. Будучи достаточно пассивными сторонниками католической или протестантской веры, в ожесточенных боях солдаты по-разному проявляют религиозные чувства: у некоторых они

окончательно угасают; у других, наоборот, актуализируются, но с негативно-бунтарской окраской против всевышнего. В конце декабря 1942 г. гибнущая армия пытается встретить христианское рождество — в этих обстоятельствах возникает феномен «Сталинградской Мадонны». Речь идет о рисунке углем на обороте советской географической карты, автором которого стал военврач К. Ройбер. Он изобразил сидящую на земле женщину, которая держит на руках младенца: она нежно прижимает ребенка к себе, заботливо укрывая его полами одетой на голову накидки, что напоминает канонический сюжет христианских средневековых икон. Этот рисунок вызывал у деморализованных солдат глубокое волнение, искренние слезы. Участники окружения вспоминали после войны, что измученные обреченностью солдаты поначалу восприняли рисунок как мистическое видение¹. Все они, еще вчера осуществлявшие тактику выжженной земли, разрушившие Сталинград до состояния руин, бесстрастно расстреливавшие его жителей, в условиях поражения начинают с надеждой вглядываться в христианскую символику, соглашаясь соперничать слабым, надеясь на сочувствие к себе.

Иная динамика была свойственна в Сталинграде русскому боевому типу, в котором особым образом оказались интегрированы, как укорененные, так и актуальные качества русского характера. Так, модификациями этого типа стали массовые представления, сближенные с советской пропагандой, но за которыми угадывались укорененные формы традиционного сознания. Идя в атаку, бойцы искренне отзывались на лозунги «За Сталина», «За советскую Родину», за которыми маячили исторические символы «царя» и «отечества». Советская идеология, скорректированная командованием относительно традиционных военных ценностей, послужила адекватной мировоззренческой основой для противостояния врагу. На фронте русские боевые традиции не конфликтовали с марксистской идеологией, а скорее дополняли друг друга.

Рассмотрим подробнее регенерацию глубинных свойств русского характера и поведения в бою — упорства, психической выдержки, готовность к жертвенным поступкам. В отечественной науке механизмы проявления данных качеств во многом остаются мало исследованными; между тем они не срабатывают автоматически. Чтобы их целостная совокупность могла проявиться у десятков и сотен тысяч советских солдат в крупных сражениях, каким стало сражение

в Сталинграде, необходимо схождение в один фокус множества предпосылок, среди которых выделим следующие: бойцы осознают, что они защищают самое дорогое — Отчизну, свои семьи; в наиболее драматических ситуациях их охватывает общее воодушевление; командиры и военные пропагандисты, усиливают эти чувства; общее самосознание и коллективная воля консолидирует представителей разных родов войск и социально-статусных групп; бойцы и гражданское население в тылу интегрированы общими идеалами и др. Вместе с тем в этом ряду имеется и нечто такое, что недавно ускользало от аналитического внимания.

Речь идет об особенностях менталитета в ожесточенных битвах, которые связаны со свободой морального выбора русских ратников, с преодолением страха смерти ради общей цели. Мировоззренческие корни такого поведения людей, устремленных к экзистенциальным ценностям, по-видимому, зарождались еще на стадии язычества. В христианской же догматике и православной монашеской аскезе эта взаимосвязь между волей Всевышнего и боевым воодушевлением воинов получает глубокое осмысление и практическое подтверждение. В русской повседневной культуре сложные отношения между промыслом Божиим, с одной стороны, и устремленностью солдата к праведному поведению в бою, с другой, отображаются в пословицах и православных максимах: все под Богом ходим; на Бога надейся, а сам не плошай; вольному воля, спасенному рай; нет выше любви, как отдать жизнь за други своя; не в силе Бог, а в правде и др.

В условиях крупных сражений ВОВ указанные архетипы сознания и поведенческие установки русского воинства актуализировались, безотносительно к тому, насколько глубокими были их религиозные или атеистические позиции. Многие солдаты шли на смерть за Отечество, отдавали жизнь за товарищей. При таком решении боевой дух воина резко активизировался, боец чувствовал причастность к более мощной силе, превосходящей его личные возможности, что заражало других солдат. Личная воля каждого воина на свободной основе сливалась с волей других участников битвы в стремлении достигнуть победы — в этих условиях рождался соборный эффект. В Сталинграде эти стереотипы боевого поведения вдохновляли не только русских, но и представителей других этносов СССР — татар, якутов, народов Средней Азии, Кавказа и др.

Выше затронуты мотивационные основы боевого поведения русских, связанные как с духовной, так и с культурной базой. Вместе с тем проблема рели-

¹ <http://topwar.ru/24602-stalingradskaya-madonna-ne-v-sile-bog-a-v-pravde.html> (дата доступа 31.07.2013).

гиозного сознания в условиях современной войны требует специального исследования. В советском марксизме доминировала атеистический подход к осмыслению этой темы, не позволяя вскрыть мощную доминанту боевого русского типа. Ныне в науке вновь признают тот непреложный факт, что вероисповедальные запросы в боевых условиях приобретают мотивационное значение, выполняют роль духовного катарсиса. Исследовательница военно-антропологических проблем Е. С. Сенявская полагает, что в современном контексте при широком снижении веры боевая обстановка продолжает актуализировать религиозные запросы солдатской массы, в каких бы социально-конфессиональных условиях они ни воспитывались. Но у солдат со сниженной верой, у атеистов вместо религиозных представлений, на фронте зачастую появляются лишь суеверия, суррогатная религиозность, иррациональный мистицизм, блокирующие духовный катарсис¹.

Среди защитников Сталинграда атеистов было немало. Однако специфика советского общества была такова, что представители старших поколений сохраняли православную веру. Провожая бойцов на фронт, их родственники молились за них, передавая им нагрудные крестики, ладанки, мощевики, которые находили потом на убитых солдатах. Конечно, на фронтах ВОВ невозможно было открыто исполнять богослужебные правила; но на уровне индивидуального самосознания, групповой психологии сохранялись элементы веры (молитвы, поминовения убитых товарищей и др.). Число людей с религиозными представлениями, росло за счет не только рядового состава, но и представителей офицерства, высшего командования. Так, есть свидетельства, что боевые военачальники (среди них называют Г. К. Жукова, В. И. Чуйкова, А. И. Родимцева) в неофициальной обстановке совершали молитвенные правила².

Следует также учитывать, что участники крупных сражений, длительность которых исчислялась неделями и месяцами, как правило, испытывали пороговые психологические нагрузки, глубокие эмоциональные переживания, что в условиях ожесточенных боев приводило в действие редкий духовный механизм — массовое созерцание православных знамен. Сошлемся на задокументированное свидетель-

ство о явлении Божией Матери с младенцем на руках в облачном небе Сталинграда 11 ноября 1942 г. В это время враг расчленил 62 армию генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, пытаясь сбросить защитников города в Волгу. Чудесное явление видели тысячи солдат и офицеров, воспринявшие его, как помощь со стороны высших сил. Вдохновленные бойцы смогли переломить ситуацию к лучшему — немцам не хватило каких-то двухсот метров, чтобы выйти на берег Волги³. Подобный эффект коллективного созерцания православных святых или Богоматери фиксировался также в танковых сражениях на Курской дуге.

Представители русского типа в сталинградских сражениях демонстрируют огромный диапазон психологических возможностей и культурных навыков. Так, в разрушенном городе раскрываются такие его преимущества, как нешаблонное мышление, умение идти на риск, использовать опасные ситуации при том, что путь к победе тщательно взвешивается и др. В рамках разных военных специализаций психологические качества и культурные навыки русских раскрываются по обстановке. В одних обстоятельствах бойцы остаются предельно терпеливыми, собранными (разведка, снайперские дуэли и др.), в других — раскованными, агрессивными, впадая в особо напряженные моменты в боевой раж (рукопашное противостояние и др.). В то же время русские интуитивно стремятся понять профессиональные навыки, бытовые привычки противника, тем самым обеспечивая победу над врагом.

Да и чисто бытовые трудности русские бойцы легче преодолевали за счет отечественных традиций, знания родной природы. Сошлемся на пример. В антисанитарных условиях боев русских солдат также, как и немецких, одолевали платяные вши. Не впадая в панику, но и не смиряясь с неудобством, русские избавлялись от напасти дедовскими способами. Прежде всего, старались регулярно обмываться горячей водой, подстригаться, бриться. С этой целью на берегу Волги создавались условия, напомиравшие походную баньку. Были и радикальные способы, один из которых состоял в следующем: исподнее и гимнастерка снимались и неглубоко закапывались в землю так, чтобы небольшой конец материи выходил наружу. Через этот конец насекомые активно выбирались из-под земли и уничтожались пучком зажженной пакли. Этим способом вынуждены были воспользоваться и узнавшие о нем немцы.

Курская битва. Тематика нашего материала позволяет сосредоточиться на анализе в основном

¹ Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М.: 2012. С.179–195.

² Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. Автор-составитель Фарберов М. И. М.: 2010. Сс.270–282.

³ Якунин В. Н. За веру и Отечество. Самара: 1995. С.88.

Курской оборонительной операции (первая пол.июля 1943 г.), которая связана с боями на северном и южном фазе курского выступа, на Прохоровском поле. Наступающей силой в Курской битве стала армия вермахта, руководители которой, понимая уязвимые аспекты своего положения, рассчитывали изменить ситуацию в свою пользу через аккумуляцию материально-технических ресурсов, введения отборных частей и др. Вместе с тем более позднее развитие событий свидетельствовали, что военно-политическое командование Третьего рейха на этот раз вновь переоценивало свои возможности, слабо представляя возросший боевой потенциал противника.

В глазах немецкого генералитета собирательный образ противника продолжал олицетворять консерватизм, безынициативность. Сошлемся на свидетельство Г. Гакенгольца, историографа штаба группы армий «Центр», который осмысляет реальный потенциал участия советской армии в рамках немецкого плана «Цитадель», а также реакцию на этот феномен немецкой стороны: «Довольно быстрое снижение темпа наступления нашей 9-й армии против глубоко эшелонированной здесь обороны русских не вызвало у нас особого удивления. Но мощь и пробивная сила русских ударов, начавшихся 12 июля на северном и восточном фазе орловской дуги, явились для нас жестокой неожиданностью... Было просто непостижимо, что русские оказались способны так скоро и так успешно перейти в наступление летом»¹. Столь глубокая приверженность упрощенным оценкам боевого потенциала русских, говорит о ригидности мышления тех представителей немецкого типа, которые вырабатывали стратегию наступления, оценивая возможности противника ей противостоять.

Если вести речь о массовом боевом типе немцев, то в сражениях Курской операции их представители — а это во многих случаях были элитные части — продолжали демонстрировать волевой напор, военное мастерство, дисциплину, хотя у них уже не было того воодушевления, которое проявлялось на первых фазах войны. Но в начале сражений на северном (оборона Поньрей) и южном фазе, в бою у Прохоровке немецкие военнослужащие обнаруживали коллективное упорство и волю к победе.

Рассмотрим те специфические формы поведения и мотивации, которые демонстрировали представители русского культурно-психологического типа в условиях Курской операции. К этому времени в полной мере проявились изменения, произошедшие

в этом типе на уровне военно-политического командования СССР. Подготовка к сражениям на Курской дуге потребовала от командования использовать опыт проведения масштабных операций. В течение весны 1943 г. анализировались разведанные о сохраняющемся военном потенциале гитлеровской Германии. В Ставке Верховного Главнокомандующего, в Генеральном Штабе, в штабах фронтов изучались вероятные варианты действий противника, а также обсуждались ответные шаги советских частей. В итоге был принят тщательно разработанный план преднамеренной обороны с последующим переходом в контрнаступление. Но вплоть до лета в адрес Верховного командования шли предложения о возможности нанесения противнику упреждающего удара. Сама Ставка предусмотрела запасной вариант такого удара; но он предполагался лишь в том случае, если противник надолго оттянет летнее наступление.

После определения ключевых характеристик советского плана на Курской дуге, началась, по выражению А. М. Василевского, «титаническая государственная работа» по его реализации. При этом и командованию, и армейским соединениям многое предстояло осуществить впервые. Надо было спланировать действия и реализовать сложные мероприятия на разных фронтах и в армейских частях, что повлекло перестройку организационно-управленческих форм. На огромной территории Курского выступа создавалась многополосная эшелонированная оборона. Против танков сооружались минные поля, противотанковые рвы, надолбы и др. Немало внимания командование фронтами уделяло организации надежной системы огня, построению боевых порядков и т.п. Шло формирование крупнейшего за время войны стратегического резерва Ставки — Степного фронта, а также условия его материально-технического обеспечения.

Для всей предварительной работы были характерны не только системность, организационная слаженность, высокий профессионализм. Ведущие участники этой работы — Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. Ф. Ватутин и др. в своих воспоминаниях подчеркивали, что в ней было немало споров, несовпадающих аналитических линий и аргументов; не раз осуществлялся коллективный поиск единственно верного решения или отрабатывались альтернативные способы важного маневра и т.п. Эта активность командования сопровождалась оперативным внедрением в войска широкого круга инноваций, которые касались не только техники, но и множества систем по организации и управлению войсками. Зачастую совершенствование управленческих и тех-

¹ Цит.по: Огненная дуга: Белгород- Курск-Орел / сост. Алексеев Ю. А., Басик И. И. и др. М.: 2013, с.427.

нических систем требовало создание еще более сложных новшеств, что отчетливо видно на развитии военного управления и фронтовой связи. Связисты, имея общегосударственную сеть связи, перед операцией создали большое число вспомогательных узлов, расположенных по всей глубине оперативного построения войск. При этом осваивалось применение новых двухпроводных шестовых линий с телефонной и телеграфной связью. Перед сражениями на Курской дуге в войсках связи осуществлялись организационные преобразования, когда создавались новые структуры, предназначенные для конкретных родов войск и подразделений¹.

Охарактеризуем массовое поведение представителей русского культурно-психологического типа в сражении под Прохоровкой. Известно, что с 6 по 16 июля здесь шли ожесточенные бои, пиком которых стало сражение 12 июля. Сражение родилось в результате неожиданного прорыва советской обороны танковыми дивизиями СС на южном фланге Курской дуги, что потребовало от советской стороны осуществить контрудар силами резервной 5-й гвардейской танковой армии и других соединений. Начальные условия и дальнейшие обстоятельства битвы оказались для Красной Армии более уязвимыми, нежели у противника. Например, танковая контратака вынужденно стала «лобовой», хотя по расчетам командования этого не должно было произойти.

Командующий этой армией П. А. Ротмистров так описывает начало боя 12 июля под Прохоровкой в мемуарах: «... Немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. ... Через несколько минут танки первого эшелона наших 29 и 18 корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врзались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. ... Его «тигры» и «пантеры», лишённые в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались, теперь успешно поражались советскими танками. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки насккивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами»².

¹ Пересыпкин И. Т. Организация связи // Военно-исторический журнал. 1973, № 7.

² Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: 1984. Цит. по:

Сквозные танковые атаки подобного типа требуют от участников огромного напряжения физических, психологических, духовных сил. В этом случае боевые порядки противников быстро смешиваются, снижая до минимума возможности руководить боем с той и другой стороны. Воины, управляющие боевой техникой, сами вынуждены принимать решения по ходу битвы. При этом важна мгновенная реакция на действия товарищей или врагов, умение сохранять управляемость тяжелыми машинами, навыки концентрации своих сил в течение всего боя. Летняя жара выступала угнетающим фактором, ибо она создавала плотную запыленность воздуха, усугубляла огневые и звуковые эффекты, затрудняла дыхание людей из-за сгорания боевых веществ и др.

Представители русского типа в этом сражении не могли в полной мере выполнить лидерскую роль из-за осложненных обстоятельств, указанных выше. Но в неблагоприятных условиях они все же навязывают противнику ближний бой, осуществляя танковые тараны, выводящие из строя машины врага. К вечеру 12 июля 5 танковая армия более, чем наполовину утратила боеготовность, однако продвижение частей немецкой армии под Прохоровкой было заблокировано. Вскоре высшее руководство Германии признало продолжение операции «Цитадель» нецелесообразным, отозвав части с этого участка фронта. Сражение этого дня, не было проиграно советской стороной за счет массовой стойкости и мужества участников; но по ряду показателей оно ею не было и выиграно. Позже у сторон оказались разные его оценки. Так, военнослужащие дивизий СС утверждали, что у них в этот день не было больших безвозвратных потерь, а поле боя осталось за ними. До сих пор немецкие аналитики готовы отстаивать эту полу-победу одного дня, вроде бы одержанную танковыми частями СС³. Однако односторонние аргументы не отменяют главного: соединения врага не смогли нейтрализовать советскую контратаку и овладеть Прохоровкой. Этот бой наряду с успехами Красной армии на других участках 550-километровой Курской дуги в итоге сработал на коренное изменение обстановки на фронте в пользу СССР.

Выводы

1. В середине XX века на территории нашей страны в смертельной схватке сталкиваются два наиболее боеспособных и пассионарных народа того

Огненная дуга: Белгород- Курск-Орел / сост. Алексеев Ю. А., Басик И. И. и др., сс. 331–332.

³ Seewald B. Legenden um die größte Panzerschlacht aller Zeiten // Die Welt / 12.07.2013.

периода — русские и немцы, представлявших разные цивилизационные типы (российско-евразийский и западно-европейский). Многие культурно-психологические и боевые качества этих народов оказывались вполне сопоставимы по степени развитости, способности адаптироваться к требованиям современной войны и др. Но неодинаковые цели и задачи в войне делали их непримиримыми антиподами — с одной стороны, защитниками своего Отечества, с другой завоевателями чужой земли. Эти качества формировали полярные смыслы, несовпадающие стратегии действий той и другой стороны.

2. В основе немецкого боевого типа заложены ценности националистического сознания, а также завоевательские и меркантильные ориентации, дополнявшиеся чувством культурного превосходства над народами СССР. Особый негативизм был выработан к славянам и к русскому народу. С началом подготовки войны на Востоке немецкий боевой тип на уровне высшего командования проявил недалёковидность, приняв план блицкрига, а также рассчитывая, что можно будет быстро и окончательно сломить сопротивление противника. Немецкие генералы сводили преимущества советской стороны в основном к протяжённой территории, огромным природным ресурсам, многочисленному населению. Позже, признавая военное искусство советского руководства, немецкое командование так и не смогло объяснить стремительного перехода Красной Армии от поражений к успеху в первую очередь из-за непонимания сущности русского боевого типа.

3. Если говорить об издержках представителей немецкого боевого типа на уровне массового самосознания и поведения солдат, то они выразились в слабой адаптации к сложному характеру войны на востоке. Втянутые в изнуряющие сражения на советской территории, представители данного типа продолжали сохранять веру в свои силы, проявляя незаурядные боевые качества в реализации трудно выполнимых целей. Но наступал момент, когда их уверенность истощалась. В то же время немецкие комбатанты не стремились понять мотивы боевого поведения противника, которое оставалось в их глазах парадоксальным, непрогнозируемым. Культурно-психологический потенциал немецкого типа в немалой степени снижался из-за привычки к рациональному порядку западного типа, к высокой технической оснащённости армии. В крупных сражениях представителям этого типа не хватало психической стойкости, духовных усилий, чтобы сделать последние шаги к победе, которая, казалось, была на их стороне.

3. Культурно-психологический тип русского воинства приобретает серьёзные отличия от немецкого. В его основе были закреплены более сложные истоки и компоненты, что придает ему в целом многоуровневый и пластичный характер. Данный тип развивался на суровых для проживания территориях Северной Евразии, в контексте несхожих гео-климатических зон. Он закалялся на стратегиях защиты от внешнего врага; его эволюция отображала многомерные коды русской культуры и смысловую вариативность российской цивилизации. В его рамках отрабатывалась способность русских консолидировать разные этно-религиозные сообщества страны, втягивая их в защиту Отечества. Русский боевой тип обогащался военными элементами инокультурного опыта, сохраняя при этом национальное своеобразие и уникальность.

4. Жизнеспособность данного боевого типа в ВОВ проявилась в патриотических инстинктах русского народа, созревших в процессе длительного государственного служения. В войне с немецкими захватчиками бойцы понимали, что враги претендуют на роль хозяев русской земли. Это явилось мощным фактором пробуждения отечественного боевого типа, который был высоко оценен руководителями советского государства. Политическая элита накануне и во время войны смогла преодолеть революционный радикализм, антинародный нигилизм марксизма, выдвинув перед армией цель — защиты Отечества. Заслугой государственного руководства стало то, что в условиях отступления оно приложило немалой усилий для восстановления русского боевого типа во всей полноте его победоносного мужества.

5. В сражениях ВОВ русский боевой тип обнаружил вариативность проявлений и многообразие форм: на начальных фазах войны он демонстрировал высокую психологическую ригидность, консерватизм, порой беспомощность; аккумуляция боевого опыта позволила ему проявлять адаптивность к меняющейся военной обстановке. Ожесточенные и длительные сражения выявляли его глубинные характеристики, психологические преимущества и культурные навыки, ведущие к победе. Так, в критических условиях наиболее пассионарные его представители шли на подвиги, отдавая жизнь за общее дело. Имело место также коллективное единение, вызванное религиозными установками и духовным катарсисом православного плана. Тем самым масса бойцов воодушевлялась к сопротивлению, действуя как органическое целое.

6. В масштабных битвах ВОВ конструктивное развитие получил сегмент русского боевого типа, связанный с деятельностью военно-политического командования. В этой деятельности оказались сбав-

лансированы исторические боевые традиции, с одной стороны, а также технические, организационно-управленческие инновации, с другой. К традиционным элементам русской полководческой культуры отнесем динамику преодоления хаоса в армейских частях, рожденного неудачами первой фазы войны; отказ от неэффективных идеологических штампов в пропаганде; широкое обращение в практике сражений к духовным ценностям отечественной военной культуры; внимательное отслеживание и анализ намерений противника; использование собственных преимуществ, связанных с территорией, климатом, помощью гражданского населения и др. Среди инноваций командования выделим: использование в военных целях мобилизационных социально-политических и хозяйственных реалий советской модели жизнедеятельности; неожиданные по беспрецедентности

и смелости стратегические решения в масштабных сражениях, дерзкие инициативы, опережающие врага в тактических операциях; умелое совмещение разных площадок военных действий, грамотное управление разными родами войск и соединений фронтов; создание новой, в том числе специально разработанной под конкретные бои военной техники. В целом развитие боевого типа на высшем уровне позволило сформироваться и проявить себя многим полководческим талантам, искусству руководства сложными операциями и длительными сражениями, мастерству штабной работы. Примечательно, что между представителями указанных выше структурно-организационных частей данного боевого типа сохранялась вера в победу, единый волевой настрой, возможность координировать общие усилия, что позволило ему проявиться во всей сложности и полноте в крупных сражениях.

Библиография

1. Клесов А. А. Происхождение славян. М.: 2013; Пересвет А. Русские не славяне? М.: 2009.
2. Гамкрелидзе Т. В. и Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. 1984, т. I, II.
3. В. Диверге «Deutsche Soldaten sehen Sowjet-Union» (Советский Союз глазами германских солдат. Письма с Востока); «Der Untermensch».
4. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. пер. с нем. М.: 2002.
5. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М.: 2010.
6. <http://topwar.ru/24602-stalingradskaya-madonna-ne-v-sile-bog-a-v-pravde.html> (дата доступа 31.07.2013).
7. Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М.: 2012. С.179–195.
8. Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. Автор-составитель Фарберов М. И. М.: 2010. Сс.270–282.
9. Якунин В. Н. За веру и Отечество. Самара: 1995. С.88.
10. Огненная дуга: Белгород-Курск-Орел / сост. Алексеев Ю.А., Басик И. И. и др. М.: 2013, с.427.
11. Пересыпкин И. Т. Организация связи // Военно-исторический журнал. 1973, № 7.
12. Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: 1984. Цит.по: Огненная дуга: Белгород-Курск-Орел / сост. Алексеев Ю. А., Басик И. И. и др., сс. 331–332.
13. Seewald V. Legenden um die größte Panzerschlacht aller Zeiten // Die Welt / 12.07.2013.
14. Овсянникова О. А., Кузнецова А. А. исторические и современные социально-политические основы российского патриотизма // NB: Международные отношения.— 2013.— 3.— С. 87–114. URL: http://www.notabene.ru/wi/article_9083.html

References (transliterated)

1. Klesov A. A. Proiskhozhdenie slavyan. M.: 2013; Peresvet A. Rus-skies ne slavyane? M.: 2009.
2. Gamkrelidze T. V. i Ivanov V. V. Indoevropeskii yazyk i indoev-ropeitsy. Tbilisi. 1984, t. I, II.
3. V. Diverge «Deutsche Soldaten sehen Sowjet-Union» (Sovetskii So-yuz glazami germanskikh soldat. Pis'ma s Vostoka); «Der Untermensch».
4. Myuller-Gillebrand B. Sukhoputnaya armiya Germanii 1933–1945 gg. per. s nem. M.: 2002.
5. Guderian G. Vospominaniya nemetskogo generala. Tankovye voiska Germanii vo Vtoroi mirovoi voine. 1939–1945. M.: 2010.
6. <http://topwar.ru/24602-stalingradskaya-madonna-ne-v-sile-bog-a-v-pravde.html> (data dostupa 31.07.2013).

7. Senyavskaya E. S. Istoriya voyn Rossii KhKh veka v chelovecheskom izmerenii. Problemy voenno-istoricheskoi antropologii i psikhologii. M.: 2012. S.179–195.
8. Spasi i sokhrani. Svidetel'stva ochevidtsev o milo-sti i pomoshchi Bozhiei Rossii v Velikuyu Otechestvennuyu voynu. Avtor-sostavitel» Farberov M. I. M.: 2010. Ss.270–282.
9. Yakunin V. N. Za veru i Otechestvo. Samara: 1995. S.88.
10. Ognennaya duga: Belgorod-Kursk-Orel / sost. Alekse-ev Yu.A., Basik I. I. i dr. M.: 2013, s.427.
11. Peresypkin I. T. Organizatsiya svyazi // Voенно-istoricheskii zhurnal. 1973, № 7.
12. Rotmistrov P. A. Stal'naya gvardiya. M.: 1984. Tsit.po: Ognennaya duga: Belgorod-Kursk-Orel / sost. Alekseev Yu.A., Basik I. I. i dr., ss. 331–332.
13. Seewald B. Legenden um die größte Panzerschlacht aller Zeiten // Die Welt / 12.07.2013.
14. Ovsyannikova O. A., Kuznetsova A. A. istoricheskie i sovremennye sotsial'no-politicheskie osnovy rossiiskogo patriotizma // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.— 2013.— 3.— С. 87–114. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9083.html